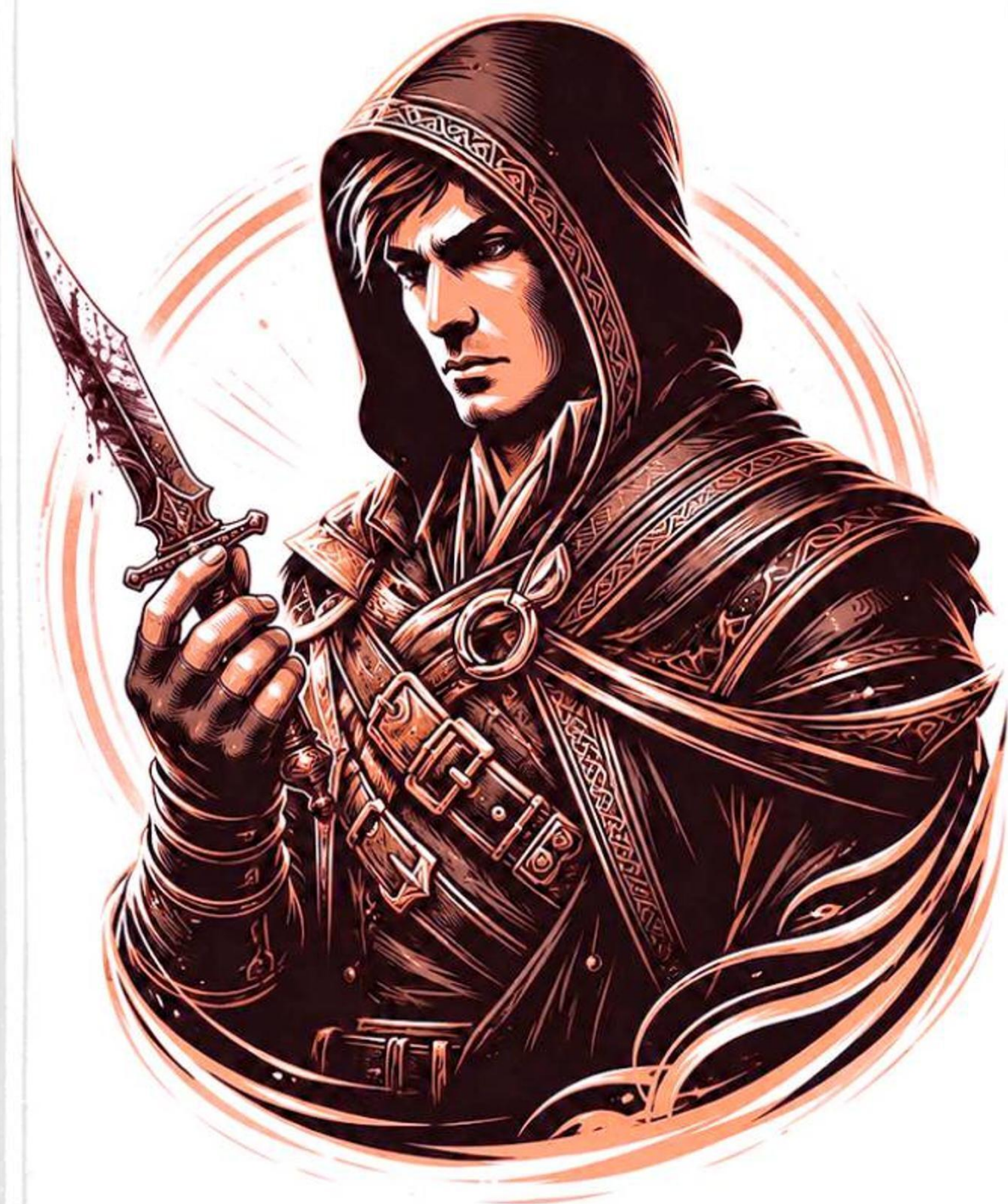

АЛЕКС РУДИН

ТАЙНОВИДЕЦ

ТОМ 15: НЕ ДОЖИТЬ ДО СМЕРТИ

Алекс Рудин

**Тайновидец. Том 15:
Не дожить до смерти**

«Автор»

2026

Рудин А.

Тайновидец. Том 15: Не дожить до смерти / А. Рудин — «Автор», 2026

Молодому графу Александру Воронцову выпал уникальный магический Путь. Он стал Тайновидцем. Теперь его призвание — магические тайны, интриги, загадки и преступления. Раскрывая их, Воронцов может развивать свой магический дар. По законам Империи Александр не является наследником главы рода. Он — младший внук. На его плечах не лежит ответственность за род. Зато он может наслаждаться другим сокровищем — свободой. Александр селится в старом особняке на Каменном острове. Заглядывает по утрам в кофейню, где варит кофе тысячелетний джинн. Дружит с хранителем Незримой библиотеки. Гуляет по волшебным кварталам Столицы, где за каждым углом творится магия. Александр молод, умен и решителен. Глава рода Воронцовых прислушивается к его советам. А есть и другие влиятельные семейства. Иногда они попадают в трудные ситуации, выпутаться из которых можно только с помощью Тайновидца.

© Рудин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алекс Рудин
Тайновидец. Том 15: Не дожить до смерти

Глава

Глава 1

Я проснулся, обливаясь холодным потом. Сел в кровати и судорожно вдохнул, пытаюсь унять бешено бьющееся сердце. Магический дар тревожно гудел.

Хорошо, что Лизы нет дома — уехала в гости к Аниоте на Внешний остров. Иначе и её бы перепугал.

Что за дрянь тебе приснилась, господин действительный тайный советник? Что-то липкое, мерзкое, отвратительное. Даже вспоминать не хочется.

Я и не стал вспоминать. Вместо этого сполз с кровати и отправился напрямик в душ. Долго стоял под струей холодной воды, упрямо стискивая зубы. Наконец, неприятный комок провалился из горла в пищевод и медленно растаял в желудке. Только магический дар никак не мог успокоиться — гудел и гудел, словно рассерженная пчела.

Я открыл горячую воду. Немилосердно растёр кожу жёсткой мочалкой, и только после этого немного пришёл в себя.

Посмотрел в зеркало — ну и физиономия! Глаза красные, как будто я вернулся в славные лицейские времена и всю ночь гулял с приятелями в “Жареном поросёнке”.

А всё-таки, что мне снилось?

До самого завтрака я напрягал память, но так и не вспомнил проклятый сон. Поэтому к столу вышел в непривычно скверном настроении.

— Не выспались, ваше сиятельство? — сочувственно спросил Фома.

По своей привычке домовой, сидя за столом, увлечённо болтал ногами.

Я буркнул в ответ что-то невразумительное, сварил себе крепкий кофе со сливками и вышел с чашкой на балкон.

Августовское утро порадовало меня тёплым ветерком и запахом увядающей листвы. Неяркое солнце деликатно просвечивало сквозь густые кроны старых лип, а воздух был чистым и прозрачным. Мимо деловито прогудела пчела. Я её не интересовал, она спешила собрать нектар с последних летних цветов.

Бронзовые колокольчики на ограде негромко зазвенели. Таким звоном они всегда предупреждали о приходе неожиданного гостя.

Я посмотрел вниз и увидел возле калитки знакомого призрака. Меня навестил обер-прокурор Рябушинский.

С господином Рябушинским мы познакомились на Смоленском кладбище. Я спас бывшего обер-прокурора от тёмного мастера снов, а потом помог снова устроиться на государственную службу. Теперь обер-прокурор командовал призрачной полицией и поддерживал порядок на столичных кладбищах. Ну, и обычной полиции помогал по мере возможностей.

— Доброе утро, ваше сиятельство! — крикнул Рябушинский. — Разрешите войти?

— Подождите минуту, сейчас я вас впущу, — ответил я.

Одним глотком допил кофе, спустился в сад и открыл призраку калитку:

— Прошу.

— Все газеты пишут о вашем назначении, — сказал Рябушинский, вливаясь в сад. — Позвольте вас поздравить. Государственный советник по магии — эта должность именно для вас, Александр Васильевич.

— Благодарю вас, — кивнул я. — Проходите в кабинет. Могу я вам что-нибудь предложить? Насколько я понимаю, кофе вы не пьёте.

— Почему же? — неожиданно возразил призрак. — То есть, не пью, конечно. Но запах хорошего кофе до сих пор люблю. Моя супруга каждое утро варит мне чашечку.

— Отлично, — улыбнулся я. — В таком случае, у меня найдётся, чем вас порадовать. Я впустил Рябушинского в дом и крикнул наверх:

— Игнат! Принеси нам кофе в кабинет!

— Надеюсь, я пришёл не слишком рано? — внезапно встревожился призрак. — Понимаете, я ведь давно уже не сплю, и стал забывать, что людям свойственна эта привычка.

— Вы появились как раз вовремя, — успокоил я его. — Мне нужно отвлечься от неприятных мыслей. Дело у вас срочное?

— Не очень, — признался обер-прокурор. — Но я надеюсь, что оно вас заинтересует.

— Тогда сначала выпьем кофе, а потом вы мне всё расскажете, — решил я. — Присаживайтесь.

Игнат принёс кофе. Призрак в кабинете его несколько не удивил — Игнат невозмутимо поставил перед Рябушинским чашку и удалился.

Обер-прокурор с удовольствием принялся:

— У вас отличный кофе, Александр Васильевич. В столичных лавках такого нет.

— Эти зёрна мне поставляет мой приятель джинн, — улыбнулся я. — У него кофейня на плоту возле Каменного острова.

— Кофейня на плоту? — удивился Рябушинский. — Никогда о ней не слышал.

В его голосе так явно слышалась невысказанная просьба, что я великодушно кивнул:

— Как-нибудь попробую провести вас туда. Но за успех не ручаюсь. Так что у вас за дело?

— Сегодня ночью на Смоленском кладбище появился новый призрак, — вздохнул обер-прокурор. — Об этом мне доложили мои городовые.

— И что в этом необычного? — удивился я. — Людям свойственно иногда превращаться в призраков.

— Знаю, — кивнул Рябушинский. — Но этот призрак вёл себя странно, к тому же, городовые описали его как дворянина.

— А в чём выражалось его странное поведение? — заинтересовался я.

— Чаще всего только что появившиеся призраки убиты горем, — объяснил обер-прокурор. — Они сильно переживают свою смерть, некоторые даже впадают в отчаяние. Но этот призрак, кажется, не понимал, что с ним случилось. Городовые сказали, что он с воплями метался по кладбищу и умолял кого-то пощадить его.

— Вы думаете, что этого человека убили сегодня ночью? — догадался я.

— Вот именно, — кивнул Рябушинский. — Так я и подумал.

— Городовые расспросили его?

— Им не удалось поговорить с ним. Призрак сбежал, как только увидел их. А городовые не стали его преследовать, ведь закон он не нарушал. Никому не запрещается рыдать на кладбище.

— Так-так, — я задумчиво постучал пальцами по столу. — Вы обращались в полицию?

— Конечно, — брезгливо скривился обер-прокурор. — В участке меня встретил заспанный пристав и обещал разобраться. А полицейского следователя вообще не оказалось на месте. В моё время за такие фокусы мигом вылетали со службы. Я сильно сомневаюсь, что эти господа способны найти убийцу.

— Пока мы только предполагаем убийство, — напомнил я. — Но вы правы, оставлять это происшествие без внимания нельзя. Я предупрежу о необычном призраке полковника Зотова. А вас попрошу лично поговорить с этим призрачным дворянином. Если его и в самом деле убили, он может знать имя убийцы.

— С вами приятно работать, — кивнул Рябушинский. — Не то, что с нашей полицией. Я взглянул на часы, которые висели на стене.

— Думаю, полковник Зотов уже на службе. Пошлю ему зов прямо сейчас.

Но в эту минуту на ограде снова зазвенели бронзовые колокольчики. Я подошёл к окну и увидел, что рядом с калиткой остановился знакомый чёрный мобиль.

— Надо же, Никита Михайлович уже здесь, — удивился я. — Похоже, предчувствие вас не обмануло. Этой ночью в Столице и впрямь произошло какое-то необычное преступление. Подождите, я введу господина полковника.

Я снова вышел к калитке. У меня давно выработалась привычка самому встречать гостей, ведь гости ко мне иногда заглядывали самые необычные.

Никита Михайлович нетерпеливо топтался у калитки. Когда он увидел меня, на его невозмутимом лице промелькнуло удивление.

— Вы уже на ногах, господин Тайновидец? И успели принять душ, как я погляжу?

Взгляд Зотова скользнул по моим влажным волосам и снова остановился на моём лице.

— Да, обычно я принимаю душ по утрам, — удивлённо кивнул я. — Вы зайдёте в дом? Мы с господином Рябушинским как раз пьём кофе в кабинете, присоединяйтесь.

Зотов резко остановился.

— А Рябушинский что здесь делает?

— Он пришёл, чтобы рассказать мне про одного необычного призрака. Я как раз собирался поделиться этой историей с вами.

— Ну-ну, — с непонятной интонацией произнёс Зотов. — Ладно, поговорим в вашем кабинете.

Я предложил Никите Михайловичу кресло и налил кофе. Всё это время Зотов пристально наблюдал за мной. Такое внимание меня удивило, и я решил начать разговор первым:

— Полагаю, вы приехали потому, что сегодня ночью в Столице произошло убийство?

— Вот именно, — многозначительно кивнул Зотов.

— И кого же убили?

— Убит ваш старый знакомый — князь Долгоруков.

— Ничего себе! — изумился я. — Мы ведь совсем недавно виделись с ним. Как это случилось?

— Ему перерезали горло в гостиной его собственного дома. Я только что оттуда. Зрелище, скажу я вам, очень неприятное. Весь пол залит кровью, а нож мы так и не нашли.

— Думаете, убийца унёс его с собой? А как он проник в дом? И как вышел оттуда?

— На этот счёт у меня есть версия, — прищурился Никита Михайлович. — Но сначала я хочу спросить вас. Как вы узнали про убийство?

— Догадался, — улыбнулся я. — Господин Рябушинский рассказал мне, что сегодня ночью на Смоленском кладбище появился призрак испуганного аристократа. Он умолял кого-то пощадить его. Нетрудно было сообразить, что этого человека только что убили. Я собрался послать вам зов, но тут вы сами приехали.

— Занятно, — пробормотал Зотов. — А больше вы ничего не хотите мне рассказать?

— Предполагаю, что городовые видели на кладбище именно призрак князя Долгорукова. Нужно как можно скорее найти его и допросить. Он мог видеть своего убийцу.

— Нет, это не Долгоруков, — неожиданно вмешался обер-прокурор. — Городовые сказали, что призрак был совсем молодой, ему не больше восемнадцати. А князю, если не ошибаюсь, далеко за сорок?

— Значит, не он, — поморщился Никита Михайлович. — Впрочем, это ничего не меняет.

Зотов замолчал и широкими шагами прошёлся по кабинету. Остановился напротив меня, несколько секунд смотрел прямо мне в глаза, потом потёр лицо ладонью.

— Устал я, Александр Васильевич, — пожаловался он. — Впервые на этой неделе добрался до своей кровати, и на тебе — убийство князя! Пришлось одеваться, ехать к демонам на кулички, смотреть на труп, опрашивать свидетелей. А князь, между прочим, живёт на Галерном канале. То есть, жил. Не близко от моего дома.

— Вы упомянули свидетелей. Они рассказали что-нибудь интересное?

— Не сомневайтесь, — невесело усмехнулся Зотов. — То, что я услышал от них, до сих пор не укладывается у меня в голове. А уж если их показания станут известны газетчикам, Столица просто взорвётся.

— Ну, нам-то вы расскажете?

— Расскажу, не сомневайтесь. Так вот, свидетели видели, как убийца пришёл в дом князя. Можно сказать, они сами его впустили. Князь немного побеседовал с убийцей в гостиной, а затем гость зарезал Долгорукова и скрылся.

Я удивлённо покачал головой.

— Ничего не понимаю. Если вы знаете, кто убийца, зачем вы приехали ко мне?

Никита Михайлович тяжело вздохнул.

— Потому что свидетели утверждают, что убийца — вы. Это вы приехали в дом князя Долгорукова и убили его. А потом сбежали, когда вас хотели схватить.

Слова Зотова эхом отозвались у меня в голове. Наверное, я что-то предчувствовал, когда удивился странному поведению полковника.

Магический дар загудел в груди, но тут же растерянно смолк.

— Несусветная чушь! — внезапно взорвался Рябушинский. — Как вам пришло в голову обвинить Александра Васильевича? Как вы могли поверить этим свидетелям? Да у каждого из них наверняка имеется зуб на господина Тайновидца! Или они просто ошиблись. Когда я командовал городской полицией, у нас даже поговорка была — врёт, как очевидец. Вы бы лучше их самих проверили. Уверен, это они прикончили князя, а теперь хотят свалить вину на его сиятельство.

— Вы принимаете меня за идиота? — огрызнулся Зотов. — Разумеется, я им не поверил. Но их показания записаны и приобщены к делу. Поэтому я не мог не приехать сюда. Я должен был предупредить вас, Александр Васильевич.

— И удостовериться, что свидетели врут, — усмехнулся я.

— И вы туда же? — возмутился Никита Михайлович. — Я уверен, что вы никого не убивали.

— Но уверенность к делу не подошьёшь, в отличие от свидетельских показаний. Эти показания теперь можно опровергнуть только другими уликами. Значит, будем разбираться.

Я старался говорить спокойно, и это подействовало. Зотов опустил в кресло.

— Я рад, что вы ведёте себя разумно, — кивнул он. — У вас есть ещё кофе?

Я машинально дотронулся до кофейника.

— Этот уже остыл. Сейчас я попрошу Игната сварить свежий.

— Не надо, — отмахнулся Зотов. — И этот сойдёт.

Я налил ему кофе, и Никита Михайлович осушил чашку одним глотком.

— Кто ваши свидетели? — спросил я.

— Княжеская охрана и молодой племянник покойного князя Михаил Долгоруков. Охранники утверждают, что они по приказу князя открыли вам калитку, а племянник впустил вас в дом и проводил в гостиную на первом этаже.

— Когда это произошло?

— Около часа ночи.

— В это время я спал в своей постели.

— Елизавета Фёдоровна была с вами?

— Нет, она уехала погостить к подруге. Я был один.

— Вы куда-нибудь выходили из дома?

Я покачал головой.

— Нет, я спал до самого утра. У меня нет привычки гулять по ночам.

— Слабовато, — поморщился Зотов. — Я-то вам, разумеется, верю. Но в суде очень не любят такие алиби. Любой прокурор мигом поставит его под сомнение.

— И правильно сделает, — вставил Рябушинский. — У меня такое алиби не продержалось бы и минуты.

— Впрочем, я уверен, что дело не дойдёт до суда, — не обращая на него внимания, добавил Никита Михайлович. — Император не позволит безнаказанно чернить ваше имя.

— А что, если на это и был сделан расчёт? — нахмурился я. — Император заступится за меня, и газеты тут же раструбят о том, что у Его Величества завёлся любимчик. Даже если меня оправдают, осадок всё равно останется.

— Очень может быть, — помрачнел Зотов. — Долгоруковым терять нечего. А свидетели всегда могут сказать, что ошиблись. Но горожане уже будут настроены против вас.

— И против императора, — добавил я. — Поэтому я настаиваю, чтобы вы вели расследование по всем правилам.

— А вот это верно, — снова вмешался Рябушинский. — Нельзя давать мерзавцам повод для сплетен.

— И что вы предлагаете? — насторожился Никита Михайлович.

— Обращайтесь со мной, как с обычным подозреваемым. Что вы делаете, когда у вас появляется подозреваемый в убийстве?

— Допрашиваю его, — усмехнулся Зотов. — Потом провожу обыск.

— Отлично. Вы уже допросили меня и убедились, что алиби у меня нет. Самое время приступить к обыску.

— Для обыска нужны понятые, — напомнил обер-прокурор Рябушинский. — Мне быть понятым нельзя, я при исполнении.

— Возьмите Игната и Прасковью Ивановну, — предложил я.

— Вы серьёзно, Александр Васильевич? — возмутился Зотов. — Считаете, что я стану ртыться в вашем постельном белье?

— Станете, — кивнул я. — С него и начнёте, тем более, что я всю ночь провёл в спальне. Зато потом сможете подтвердить под присягой, что орудия убийства там нет. Вы ведь не нашли нож рядом с телом князя?

— Нож давно выбросили в канал, — махнул рукой Зотов. — Обычное дело.

— Это не шутки, Никита Михайлович, — нахмурился я. — Не знаю, зачем Долгоруковы хотят притянуть меня к убийству, но я им этого не позволю. Начинайте обыск.

— Хорошо, — нехотя согласился Зотов. — В таком случае, показывайте вашу спальню.

Игнат и Прасковья Ивановна не на шутку перепугались, когда узнали, что им придётся быть понятыми.

— Произошло убийство, и в нём пытаются обвинить меня, — терпеливо втолковывал я им. — Вы должны будете подтвердить на суде, что в нашем доме не нашли ничего подозрительного.

— Да я и так скажу всё, что нужно, — заверил меня Игнат.

— Нужно сказать только правду, и ничего больше, — сердито нахмурился я. — Честное слово, это несложно.

Зотов уже вошёл в привычную роль. Видно было, что начальнику Тайной службы хочется как можно скорее покончить с неприятным делом.

— Понятые, встаньте у двери, — скомандовал он. — Ничего не трогайте и смотрите внимательно.

Для начала он открыл шкаф и быстро перебрал мои костюмы. Потом отбросил покрывало и перевернул измятую подушку.

— Здесь ничего нет.

Затем Никита Михайлович свернул одеяло.

— Здесь тоже ничего подозрительного.

И наконец приподнял матрас.

— А это что такое?

— Рубашка его сиятельства, — несчастным голосом сказала Прасковья Ивановна. — А крови-то на ней сколько!

Зотов недоверчиво посмотрел на меня.

— Александр Васильевич, это вы спрятали рубашку под матрас? Откуда на ней кровь?

— Я не знаю, — ответил я, чувствуя, что в груди у меня холодеет.

Никита Михайлович вытащил скомканную рубашку из-под матраса и развернул. Из рукава выпал нож с костяной рукояткой и длинным зазубренным лезвием. Нож со стуком попал на пол.

Лезвие было покрыто подсохшей кровью.

Глава 2

Никита Михайлович наклонился и двумя пальцами поднял нож.

Затем посмотрел на меня:

— Откуда здесь этот клинок, Александр Васильевич?

— Не знаю, — повторил я. — Но подбросить его не могли. Посторонний не может проникнуть в дом без моего ведома.

Во рту у меня пересохло, и голос звучал хрипло.

— Это мне известно, — прищурился Зотов. — Тем не менее, нож лежал у вас под матрасом. Получается, его принесли сюда вы. Ну, или кто-то из живущих в доме.

— Бред, — невежливо перебил я начальника Тайной службы. — Игнат, Фома и Прасковья Ивановна здесь ни при чём.

— Согласен. Тем более, что про них свидетели ничего не говорили.

Зотов покрутил нож в руке, внимательно осмотрел зазубрины на лезвии и даже потрогал их пальцем.

— Острые, — сказал он. — Почти наверняка именно этим ножом зарезали Долгорукова. Я не эксперт, но видел рану на горле князя. У неё рваные края.

— Получается, это вы убили князя? — изумился обер-прокурор Рябушинский. — Ну, и дела!

Зотов аккуратно завернул нож обратно в рубашку. Присел на кровать и сочувственно посмотрел на меня:

— Вы ничего не хотите мне рассказать, Александр Васильевич? Имейте в виду, Имперский суд учтёт чистосердечное признание.

— Этой ночью я спал, — упрямо повторил я. — У меня есть свидетель.

— Вот как? — удивился Никита Михайлович. — А в кабинете вы сказали, что кроме вас в спальне никого не было.

— Мой дом может подтвердить, что я никуда не выходил. Спросите его.

Зотов недоверчиво посмотрел на меня, потом скупно улыбнулся:

— Хорошая мысль, господин Тайновидец. Ваш дом наверняка знает, откуда взялся нож. Только как я его допрошу? Я не умею разговаривать с домами.

— А вы умеете? — заинтересовался Рябушинский. — Удивительно, как много у вас талантов, Александр Васильевич. Но имейте в виду, суд не примет показания дома в вашем пересказе. Всё-таки, вы обвиняемый.

— Да, — кивнул Зотов. — Господин обер-прокурор совершенно прав.

— Тогда позовите сюда Фому, — сказал я. — Он перескажет вам слова дома.

— Давайте попробуем, — согласился Никита Михайлович. — К показаниям домового суд тоже может придраться, но сейчас это не важно. Нам хотя бы понять, что вообще произошло.

Я послал зов домовому:

— Фома, немедленно зайди в мою спальню.

Через минуту домовый появился на пороге. Его щёки были перемазаны ягодным соком, глаза виновато блестели.

— Что я такого сделал, ваше сиятельство?! — сходу насупился он. — Подумаешь, несколько ягодок сорвал!

— Ты опять по грядкам лазил? — ахнул Игнат.

— А что такого? Всего несколько ягод. Их бы всё равно слизни сожрали.

— Хватит, — сердито нахмурился я. — Фома, ты мне нужен по очень важному делу. Сейчас ты спросишь у нашего дома, что произошло сегодня ночью. А потом перескажешь его ответы Никите Михайловичу. Говори всю правду, ничего не выдумывай и не скрывай.

— А вы сами не можете? — удивился Фома. — Разучились?

Он с любопытством посмотрел на Зотова и Рябушинского.

— Это же не из-за ягод? У нас что-то случилось?

— Просто сделай, как я тебе говорю, — попросил я. — Сможешь?

— Конечно, — согласился домовый. — А что спрашивать-то?

— Подожди.

Я поднял глаза к потолку и громко сказал вслух, обращаясь к дому:

— Расскажи Фоме обо всём, что произошло сегодня ночью. Ничего не скрывай и не пытайся меня выгородить.

В ответ дом прислал сочувственный ментальный импульс. Это означало, что он меня услышал.

— Начнём, — кивнул я.

Всё-таки, Фома умел разговаривать с домами куда лучше, чем я. Он владел магией домовых с самого рождения, а я научился ей совсем недавно. Мне удалось уловить только быстрые ментальные импульсы, которыми обменивались домовый и мой особняк.

Затем лицо Фомы удивлённо вытянулось.

— Ерунда какая-то, — неуверенно сказал он.

— Говори быстрее, — нетерпеливо одёрнул его Зотов.

Фома обиженно фыркнул и демонстративно повернулся ко мне:

— Ваше сиятельство, дом говорит, что вы куда-то вышли незадолго до полуночи. А вернулись только под утро. И нож тоже вы принесли. Простите!

Домовой виновато опустил глаза.

— Тебе не за что просить прощения, — машинально ответил я.

Губы меня не слушались, в желудке словно лежал кусок льда.

— Ну, и дела, — сокрушённо повторил Рябушинский.

Кажется, он окончательно поверил в то, что я убийца.

Огненные демоны, теперь я и сам в это верил!

— Это ещё ничего не доказывает, — резко сказал Зотов. — В конце концов, вы могли подобрать нож на месте преступления. Потом растерялись, сбежали домой и сунули его под матрас.

— И напрочь забыл об этом? — хмуро спросил я. — Или ради забавы морочил вам голову, пока вы не припёрли меня к стенке?

— Вас могли опоить или зачаровать, — настаивал Зотов. — Ну, не верю я, что вы по своей воле хладнокровно зарезали человека, а потом вернулись домой и легли спать! Да ещё и позабыли об этом наутро. Вы же не комара прихлопнули!

— Благодарю вас за то, что вы защищаете меня, Никита Михайлович, — устало сказал я. — Скорее всего, вы правы. Кто-то применил ко мне магическое воздействие. Но князя Долгорукова я всё-таки убил.

— Это вам тоже могли внушить, — возразил Зотов. — Предположим, что домочадцы Долгорукова решили убить князя, а вас обманом заманили на место преступления. Вскрыли Долгорукову горло, потом сунули вам нож в руку и выпроводили из дома.

— Хорошая версия, — одобрительно кивнул Рябушинский. — Я уверен, что так оно и было.

— И доказать это проще простого, — добавил Зотов. — Мы с вами поедem в дом князя и повторно допросим свидетелей. Если они врут, это сразу их выдаст.

— А если я вам совру, чтобы свалить всё на них и выгородить себя? — усмехнулся я.

— Бросьте, — нетерпеливо отмахнулся Никита Михайлович. — Я слишком хорошо вас знаю. Поехали!

Прасковья Ивановна тихо плакала, уткнувшись в плечо Игната. Фома удивлённо крутил головой.

— Елизавете Фёдоровне ни слова, — предупредил я их. — Если она пришлёт вам зов, говорите, что у нас всё хорошо. В дом никого не впускать, и не отвечать ни на какие вопросы.

— Понимаю, ваше сиятельство, — готовно ответил Фома.

Игнат только молча кивнул.

— Я вам ещё нужен? — спросил Рябушинский.

— Нет, — решил Зотов. — Возвращайтесь на кладбище и разыщите призрака, о котором вы говорили. Он может быть причастен к убийству князя. Неспроста он появился именно сегодня ночью.

— Хорошо, — согласился обер-прокурор. — Александр Васильевич, я надеюсь, что это недоразумение разъяснится в самом скором времени.

— Благодарю вас, — кивнул я. — Едем, Никита Михайлович!

Зотов остановил мобиль на набережной Галерного канала. От воды пахло рыбой и затхлостью, над каналом с пронзительными криками кружили чайки.

— Вы раньше бывали в доме князя? — спросил меня Никита Михайлович.

Я покачал головой:

— Никогда. Мы не были дружны, как вы догадываетесь.

Мы пересекли набережную и подошли к воротам особняка. Возле них скучали двое городских. Увидев Зотова, они встrepенулись и приняли бравый вид.

— К воротам никого не подпускать, — предупредил их Никита Михайлович. — С газетчиками не разговаривать. Если в газеты просочится хоть слово, я с вас шкуру спущу.

Городовые испуганно переглянулись:

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Открывайте, — кивнул Зотов.

Городовой плечом налёг на калитку, и она открылась с тихим скрипом.

Этот звук показался мне таким знакомым, что я вздрогнул. Зотов бросил на меня короткий пронизательный взгляд.

— В чём дело?

— Ничего, — поморщился я.

За оградой был разбит небольшой сад. Выложенная разноцветными камешками дорожка вела к дому.

Дорожку я тоже узнал. Я проходил по ней совсем недавно. Только вокруг было темно, и крона высокого кипариса закрывала луну.

Не было никакого смысла скрывать это от Зотова.

— Я уже был здесь, — сказал я. — Но я не помню, как это случилось.

— Ну-ну, — поморщился Зотов. — Посмотрим, что вы скажете в доме.

Слуга в ливрее княжеских цветов встретил нас в передней и покосился на меня с нескрываемым ужасом.

— Вы раньше видели меня здесь? — спросил я.

— Д-да, ваше сиятельство, — проямлил слуга.

Он смотрел в сторону, упорно стараясь не встречаться со мной взглядом. Но не врал — ложь я бы почувствовал сразу.

— Тело князя всё ещё в гостиной, — сказал Зотов. — Я распорядился не трогать его до нашего приезда.

— Показывайте, — кивнул я.

Мы прошли в гостиную.

Здесь было душно, в настенных подсвечниках торчали огарки свечей. Странно, кто в наше время пользуется таким неудобным способом освещения? На каминной полке тускло блестели медные статуэтки, изображавшие обнажённых девушек.

Князь лежал возле стола лицом вниз. Кровь из раны пропитала одежду князя и дорогой персидский ковёр. Один из стульев был опрокинут.

Над телом Долгорукова склонился эксперт Тайной службы Леонид Францевич Щедрин, он с любопытством разглядывал рану. Рядом стоял чемоданчик эксперта, а над ним почти-тельно застыл городской.

— Александр Васильевич, очень рад вас видеть, — добродушно улыбнулся Щедрин, когда мы вошли. — Дело очень интересное, но с вашей помощью мы распутаем его в два счёта. Поговаривают, что государь возвёл вас в чин действительного тайного советника? Примите мои поздравления!

— Благодарю вас, Леонид Францевич.

Улыбка Щедрина стала ещё шире.

— Вы теперь совсем важная птица. Но я всё-таки рискну пригласить вас в отличный немецкий трактир. Он здесь недалеко, на углу. Знали бы вы, какой яблочный штрудель там подают! А колбаски с кислой капустой — это нечто изумительное.

— Давайте вернёмся к убийству, Леонид Францевич, — сухо предложил Зотов. — Что вы можете сказать?

— К убийству так к убийству, — благодушно согласился Щедрин. — Князь был убит здесь, тело не перемещали. Убийца нанёс всего один удар и попал точно по горлу. Кстати, удар нанесён справа налево.

— Что это значит? — не понял я.

— Я думаю, что убийца напал на князя сзади и перерезал ему горло, — объяснил Щедрин. — Князь в это время сидел на стуле. Кстати, в этом деле есть одна любопытная деталь. Стул опрокинут, значит, жертва сопротивлялась. Убийца одной рукой держал князю голову, а другой перерезал горло, вот так.

Щедрин взмахом руки показал, как действовал убийца.

Меня вдруг замутило, но усилием воли я заставил себя слушать внимательно.

— И что вас смущает? — нахмурился Зотов.

— А вы сами не видите? Если они боролись, то князь должен был упасть на спину, вот сюда. А он лежит лицом вниз, как будто упал со стула вперёд.

— Возможно, убийца сначала придержал его, а потом толкнул, — предположил Зотов.

— Может быть, — согласился эксперт. — Кстати, обратите внимание на рваные края раны. На ноже были зазубрины.

— Вот такие?

Зотов развернул окровавленную рубашку и показал Щедрину нож.

— Очень похоже, — удивился Леонид Францевич. — Где вы его нашли?

— В спальне у Александра Васильевича, — сухо ответил Зотов.

На круглом лице эксперта появилась недоверчивая улыбка:

— Вы шутите?

Он посмотрел сначала на Зотова, потом на меня, и вдруг стал серьёзным.

— Понятно. Простите, но я должен забрать этот нож. Проверю его в лаборатории, и смогу точно сказать, является ли он орудием убийства.

— Хорошо, — кивнул Зотов и повернулся ко мне. — Ну что, Александр Васильевич, знакома вам эта гостиная?

— Да, я был здесь раньше, — кивнул я. — Помню статуэтки. И свечи тогда горели. Запах был тот же, но немного сильнее.

— Кстати, о запахе, — вспомнил Леонид Францевич. — Могу определённо сказать, что это не просто убийство, а ритуал. Вот, смотрите!

Он, кряхтя, наклонился и отогнул край тяжёлого персидского ковра. Мы увидели на паркете полустёртую линию, нарисованную мелом. Судя по всему, это была часть окружности.

Леонид Францевич немедленно подтвердил мою догадку.

— Кто-то начертил на полу круг при помощи магического мела. Я бы показал его вам целиком, но тогда придётся двигать тело. И свечи пропитаны особым составом, это он и пахнет.

— И что это всё значит? — спросил Зотов.

— Я же вам, говорю, кто-то проводил здесь магический ритуал. И убийство — важная часть этого ритуала.

— А точнее? — нахмурился Никита Михайлович. — В чём смысл ритуала, о котором вы говорите?

Леонид Францевич пожал пухлыми плечами.

— Мне-то откуда знать? Я хоть и некромант, но ритуальными убийствами не увлекаюсь. Брезгую, знаете ли. Нужно проверить состав, которым пропитали свечи, тогда что-то выяснится.

— Соберите все улики, — велел эксперту Зотов. — Вообще все, даже мел с пола соскребите. Как вы догадываетесь, Александр Васильевич влип в очень неприятную историю, и мы должны сделать всё, чтобы его вытащить.

— Так это вы убили князя, или не вы? — с интересом спросил меня Щедрин. — Я просто хочу понять, что именно мне делать с уликами — прятать или приобщать к делу?

Никита Михайлович грозно посмотрел на эксперта, а я растерянно пожал плечами:

— Не знаю, Леонид Францевич. Я ничего не помню о сегодняшней ночи. Но считаю, что мы должны выяснить правду.

— Хорошо, — спокойно кивнул эксперт. — Тогда я буду работать.

И он снова наклонился над телом князя.

— А мы пока допросим свидетелей, — решил Зотов. — Идите за мной, Александр Васильевич.

Оказывается, князь Долгоруков собрался в своём доме неплохую библиотеку. Я пробежал взглядом по кожаным корешкам и увидел, что здесь довольно много трудов по магии на нескольких языках.

Никита Михайлович опустил в потёртое кресло и кивнул городовому, который сопровождал нас:

— Давай сюда охранников.

Городовой козырнул и вышел, а Зотов покосился на меня:

— Присаживайтесь, господин Тайновидец. В ногах правды нет.

— Благодарю вас, — ответил я, задумчиво рассматривая книги. — Никита Михайлович, я думаю, что в этих книгах может найтись описание ритуала, который привёл к смерти князя.

— Очень возможно, — согласился Зотов. — Я прикажу конфисковать книги вместе с бумагами покойного.

— Кстати, князь так и не сменил охрану? — вспомнил я. — На него по-прежнему работают те же люди, которые сожгли мастерскую в квартале Разбитых Статуй?

— Нет, — усмехнулся Зотов. — Те бравые молодцы давно за решёткой. Отбывают срок за поджог и попытку убийства. Кстати, князя они так и не выдали, наперебой уверяли, что сами решили поджечь мастерскую. А Долгоруков даже на суде не появился. Просто набрал себе новых людей, и всё.

Городовой привёл охранников, которые ночью дежурили у ворот особняка. Увидев меня, охранники напряглись.

— Это он, господин полковник! — выпалил старший. — Сбежал от нас ночью!

Охранник шагнул ко мне, но Никита Михайлович властно осадил его:

— Назад! Этот человек уже задержан. Расскажите, когда вы его видели.

— Сразу после полуночи он подошёл к воротам, и представился графом Воронцовым — послушно ответил охранник. — Его сиятельство предупредил нас о том, что он появится, и мы его впустили. Михаил Александрович проводил его в дом.

— Это племянник покойного князя, — бросил мне Зотов. — Он живёт в этом доме.

Я сразу припомнил высокого блондина с надменным взглядом синих глаз. Михаил Долгоруков раньше учился в Императорской магической академии, но со скандалом ушёл оттуда после того, как император назначил меня ректором.

— А зачем князь ждал господина Воронцова? — поинтересовался Никита Михайлович.

— Не могу знать, господин полковник. Приказал впустить, и всё.

— Сколько времени граф Воронцов пробыл в доме?

Охранник пожал плечами:

— Чуть больше часа. Пото поднялся шум, мы побежали в дом. Там его сиятельство мёртвый, а Воронцова и след простыл. Через калитку он не выходил, это точно. Мы весь дом обыскали.

Никита Михайлович перевёл строгий взгляд на второго охранника. Этот смотрел на меня со страхом.

— Ты подтверждаешь слова своего напарника?

— Всё так и было, господин полковник!

— Свободны, — хмуро кивнул Зотов. — Из города не уезжать.

Когда охранники вышли, Никита Михайлович посмотрел на меня:

— Что скажете?

— Они говорят правду, — ответил я, стараясь казаться спокойным. — Эти люди действительно впустили меня в дом. Ну, или кого-то, кто похож на меня как две капли воды.

— Вы по-прежнему не помните, что делали сегодня ночью?

— Только урывками, — честно сказал я. — Вы же видели — статуэтки, свечи... Честно говоря, я до сих пор думаю, что всё это мне приснилось.

— Что ещё вы помните из своего сна? — поинтересовался Зотов.

— Ничего конкретного. Только ощущение чего-то липкого, мерзкого.

— Липкое? Это могла быть кровь?

— Вполне, — поморщился я.

— Ладно, — решительно тряхнул головой Зотов. — Давайте поговорим с племянником князя. Городовой, приведи его!

Глава 3

Михаил Александрович Долгоруков очень старался держать себя в руках, но его выдавал взгляд. Он смотрел на меня с ледяной, беспощадной ненавистью.

— Вы знаете этого человека? — спросил Зотов, указывая на меня.

— Разумеется, — процедил юноша. — Это граф Воронцов.

— Сегодня ночью он был здесь?

— Да. Дядя сказал мне, что пригласил его для важного разговора.

— Что за разговор?

— Дядя собирался помириться с Воронцовыми. И лично с господином Тайновидцем.

— Между ними была ссора?

— Да, и вы прекрасно об этом знаете! — сжав кулаки, выпалил Долгоруков. — Тайновидец преследовал наш род! Из-за него погиб мой дед, а теперь он убил и дядю!

— Вы сами это видели? — спокойно поинтересовался Зотов.

— Нет, — признал Михаил Александрович. — По просьбе дяди я проводил Воронцова в гостиную, а потом ушёл.

— Что вы делали, пока ваш дядя и граф Воронцов разговаривали?

— Читал в своей комнате. Примерно через час я вернулся в гостиную, и нашёл тело дяди.

— Граф Воронцов был там?

— Нет. Он трусливо сбежал!

— Вы на допросе, — нахмурился Никита Михайлович. — Отвечайте по существу.

— Воронцова в гостиной не было.

— Кто-то ещё мог проникнуть в дом?

— Как? — злобно усмехнулся Долгоруков. — Здесь кругом охрана.

— А слуги? Другие члены семьи?

— В последнее время мы с дядей жили вдвоём. Что касается слуг — зачем им нужно было убивать главу рода?

— Кто знает, — задумчиво заметил Никита Михайлович. — А почему другие члены семьи покинули дом?

— Дядя всех выгнал. Родственники требовали, чтобы дядя освободил место главы.

— А он не хотел?

— Не хотел, — подтвердил Михаил. — И я его поддержал. Он глава рода по праву рождения!

Зотов спокойно откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на княжича.

— Это вы убили своего дядю, Михаил Александрович?

— Что? — вскипел княжич. — Нет!

— Вы приказали кому-то сделать это? Охранникам? Кому-то ещё?

— Нет! Я знаю, что Воронцов — ваш друг, и вы хотите выгородить его. Но имейте в виду, это у вас не получится. Он убийца, и скоро об этом узнают все! У вас есть ещё вопросы?

— Пока нет, — покачал головой Никита Михайлович. — Но могут появиться. Не покидайте Столицу, Михаил Александрович.

— И не собирался! Я не сбегу, даже не надеюсь.

Он направился к двери, но я остановил его вопросом:

— Скажите, Михаил Александрович, а кто теперь станет главой вашего рода?

Княжич медленно повернулся к нам.

— Этот человек имеет право задавать мне вопросы? — надменно поинтересовался он у Зотова.

— Отвечайте, — прищурился Никита Михайлович.

— Я не знаю. Дядя оставил завещание у своего поверенного, спросите его.

Княжич снова повернулся и вышел из библиотеки.

— И о чём он нам соврал? — с интересом спросил Зотов.

Я покачал головой.

— К сожалению, княжич Долгоруков почти всё время говорил правду. Солгал он только в конце. Он знает, кто станет главой рода.

— Думаете, дядя завещал место главы племяннику? — удивился Никита Михайлович.

— И сказал ему об этом? Так ведь это мотив, Александр Васильевич. И ещё какой!

— Ошибаетесь, Никита Михайлович, — возразил я. — Князь Долгоруков и так должен был передать власть другому члену своей семьи. Этого потребовал император. Княжичу не нужно было убивать дядю, чтобы стать главой рода.

— А что, если он решил управлять родом самостоятельно, без оглядки на дядю?

— Вряд ли он пошёл бы на такой риск. Скорее, попытался бы прибрать власть к рукам постепенно.

— Но тогда вы остаётесь единственным подозреваемым. По крайней мере, пока мы не выясним, почему вы ничего не помните о встрече с князем.

В дверь постучали, и в библиотеку заглянул Щедрин.

— Я закончил и уже отправил тело князя в морг, — сообщил он. — Вы едете в управление?

— Едем, — кивнул Зотов и поднялся из кресла.

Едва мы с Никитой Михайловичем вышли на набережную, к нам бросился редактор Черницын.

— Ну, наконец-то! Александр Васильевич, у вас уже есть подозреваемый? Правда, что князя зарезали? Вы нашли орудие убийства? Как думаете, кто это сделал? И куда он делся?

— Прочь с дороги! — зарычал Зотов. — Иначе я арестую вас за помехи правосудию.

Черницын проворно отскочил в сторону.

— Вот, теперь я вам не мешаю. Идите, куда хотите. Но скажите хоть что-нибудь! Читатели разорвут меня, если я не дам им информацию. Александр Васильевич, ну хоть вы меня поймите — если конкуренты меня обойдут, газету просто перестанут покупать.

— Пока я могу только подтвердить, что князь Долгоруков умер насильственной смертью, — сказал я. — Остальное покажет следствие.

— Потрясающая скромность! — раздался за моей спиной язвительный голос.

Я обернулся и увидел Михаила Долгорукова. Он вышел из дома вслед за нами и теперь приветливо улыбался Черницыну.

— Проходите, господин репортёр, не стесняйтесь. Я всё вам покажу и расскажу. Это граф Воронцов стесняется, а мне скрывать нечего.

— Не смей! — угрожающе произнёс Никита Михайлович. — Это место преступления.

— Так уж вышло, что я живу на месте преступления, — злорадно усмехнулся Долгоруков. — Имперские законы не запрещают приглашать гостей и дружески болтать с ними за чашкой чая. Не так ли, господин полковник? Или вы теперь арестуете меня?

— Я арестую господина Черницына, если он напишет хоть слово об этом деле, — едва сдержался Зотов.

— Он нарочно выводит вас из себя, — тихо сказал я. — Не тратьте время попусту, лавину голами руками не остановить.

Никита Михайлович негодуяще фыркнул и молча пошёл к мобиле, а Черницын проскочил в калитку княжеского особняка.

— Завтра вся столица будет говорить, что вы убили князя Долгорукова, — сказал Зотов, трогаясь с места. — Репортёры будут следить за вами, да и за мной тоже. Для вашего спокойствия я официально помещу вас под домашний арест. Имейте в виду, вам будет запрещено выходить из дома без сопровождения полиции. Да и с полицией не стоит этого делать, если вы не хотите оказаться в окружении зевак.

Зотов говорил разумные вещи, но я покачал головой.

— Домашний арест не годится, Никита Михайлович. Иначе все подумают, что вы делаете мне поблажку по дружбе, а это может погубить вашу репутацию. Вам придётся запереть меня в камеру управления.

— Там вам будет не слишком удобно, — предупредил Зотов.

— Ничего, как-нибудь переживу. Зато в любой момент буду у вас под рукой. Нужно поторопиться с расследованием.

Когда мы добрались до управления Тайной службы, Никита Михайлович предложил мне стул, а сам плюхнулся в кресло и достал из кармана свой знаменитый чёрный блокнот.

— Начнём. По своей воле вы Долгорукова не убивали, так?

— Так, — согласился я.

— Значит, вас либо опоили каким-то магическим зельем, либо зачаровали. Вам какой вариант больше нравится?

— Никакой, — подумав, признался я. — Зелья не бывают без побочных эффектов, их действие я бы наверняка почувствовал. Но главное — последние два дня я ел только дома. Вы же не думаете, что меня опоила Прасковья Ивановна?

— И даже кофе нигде не выпили? — прищурился Зотов. — Ни за что не поверю.

Я задумчиво почесал подбородок.

— Вы правы, я заглядывал в несколько кофеен. Даже в ту, что напротив управления. Это было вчера утром.

— А что вы там делали? — удивился Зотов.

— Разговаривал с Мишей Кожемяко по личному делу. Его дочери скоро исполнится год, вот я и спрашивал, что подарить ей на день рождения. Заодно повидался с другом, в последнее время вы так загрузили его работой, что он и дома почти не бывает.

— Странно, — хмыкнул Никита Михайлович. — Мне он не жаловался. Вернёмся к делу. Мне нужны адреса всех заведений, в которых вы выпили хотя бы глоток воды за последние три дня. Я поручу господину Кожемяко их проверить.

Зотов щёлкнул пальцами. Стоявшая в углу жаровня негромко загудела, в ней вспыхнуло пламя. Никита Михайлович поставил на огонь ковшик, который заменял ему джезvu.

— Ну, а что насчёт ментальной магии? — спросил он. — Могли вас зачаровать и заставить прийти в дом князя?

— Видите этот перстень? — я показал Зотову кольцо с чёрным алмазом, которое всегда носил на руке. — Он помогает мне сохранять ясность рассудка. Зачаровать меня можно, как и любого другого человека. Но для этого требуется много времени и сильное ментальное воздействие.

— Этот перстень не сильно вам помог, — заметил Никита Михайлович. — Но хоть кто-то в разговоре с вами упоминал князя Долгорукова?

Я пожал плечами.

— Да почти все. Известие об опале князя просочилось в газеты и стало главной новостью недели. Даже вы упомянули об этом в нашу прошлую встречу.

— Я уж точно вас не зачаровывал, — усмехнулся Зотов.

— Знаете, что странно? — задумался я. — Многие из тех, с кем я говорил, сочувствовали князю и считали, что император мог бы обойтись с ним помягче. Вчера я даже сам поймал себя на этой мысли.

— Ну-ка, давайте подробнее, — заинтересовался Никита Михайлович. — Кто именно обсуждал с вами Долгорукова?

Я принялся загибать пальцы.

— Вы, Прасковья Ивановна, Игнат, Миша. Ещё Леонид Францевич, потом трактирщик с Каменного острова и мой дед.

— Это всё? — прищурился Зотов.

— Нет. Запишите сюда же придворных на императорском приёме, магов Воздуха на строительстве портала и моих студентов. Получается, проще перечислить тех, кто не говорил со мной про Долгорукова.

— Занятно, — покачал головой Никита Михайлович. — В другой ситуации я бы не удивился. Люди часто жалеют тех, кто не достоин сочувствия. К тому же, Долгоруков наверняка развернул кампанию в свою защиту. Я сам читал несколько газетных статей. Но сейчас это выглядит подозрительным. Припомните-ка, с кем из ваших знакомых вы говорили про Долгорукова несколько раз? Возможно, именно этот человек наложил на вас заклятье.

— Такого не было, — ответил я.

— Значит, пишите всех. Каждого, кто хоть слово произнёс про Долгорукова в вашем присутствии. Я лично поговорю с каждым и выясню, почему они так пекутся о князе.

— Сами же сказали, что людям свойственно жалеть негодяев.

— Вот и проверим, жалость это, или за ней кроется что-то ещё.

Никита Михайлович открыл ящик стола и достал несколько листов бумаги.

— Пишите, Александр Васильевич.

Я взялся за перо, а Зотов тем временем разлил кофе по кружкам и вызвал своего помощника.

— Что там с ограблениями возле кладбища, Артём Сергеевич?

— Работаем, господин полковник. Устроили засаду, Мишу Кожемяко нарядили купцом. Он парень видный, плечистый, и актёр хороший.

Я вспомнил, как Миша в образе рыжеволосой красотки сумел обвести вокруг пальца графа Мясоедова на Шепчущем мосту, и весело улыбнулся.

— Кого ловите, Никита Михайлович?

— Разбойников, кого же ещё. Повಾದились купцов грабить рядом со Смоленским кладбищем. Останавливают прямо на улице, часы снимают, кошельки отбирают. Городовые их трижды поймать пытались, и всё без толку. Говорят, исчезают мерзавцы, как по волшебству. Вот и решили мы поглядеть, что там за волшебство такое. Список у вас готов?

— Почти.

Я дописал последнюю фамилию и протянул бумагу Зотову. Никита Михайлович пробежал глазами по строчкам и неодобрительно покачал головой:

— Общительный вы человек, Александр Васильевич. Тут работы на неделю, не меньше. Ну, ладно.

Он поглядел на помощника.

— Артём Сергеевич, отведи господина Тайновидца в камеру. Только выбери ту, что почище. Если Александр Васильевич передумает и захочет поехать домой —пусти.

Помощник Зотова удивлённо вскинул брови.

— Слышал про убийство князя Долгорукова? — спросил его Никита Михайлович. — Так вот, господин Тайновидец у нас главный подоз...

Зотов внезапно замолчал и прикрыл глаза. Мы с помощником переглянулись, и я приложил палец к губам.

Молчание продолжалось несколько минут, затем начальник Тайной службы открыл глаза и строго посмотрел на нас.

— Вот и всё, Александр Васильевич. Слухи о ваших подвигах долетели до императора, и он требует, чтобы я немедленно явился к нему с докладом. А вас велено арестовать и держать под замком, пока расследование не будет закончено. Артём Сергеевич, проводи графа Воронцова в камеру. Из управления его не выпускать, пока я не вернусь.

Зотов сухо усмехнулся.

— Только не вздумайте бежать, Александр Васильевич, этим вы закопаете себя ещё глубже. Вместе мы обязательно найдём того, кто так ловко вас подставил.

— Благодарю вас, Никита Михайлович, — кивнул я и поднялся со стула.

— Я пришлю к вам врача и менталиста, — добавил Зотов. — Пусть проверят, чем именно на вас воздействовали.

За моей спиной тяжело лязгнула дверь камеры, и я остался один.

Такой вот неожиданный поворот судьбы, господин Тайновидец. Утром ты был беспечным аристократом, а к обеду превратился в арестанта, которого подозревают в убийстве.

Тут впору расстроиться.

Но расстраивался я не больше минуты, а потом у меня нашлись дела поважнее. Например, поговорить с Лизой.

Магическая защита управления Тайной службы мешала этому, но при помощи магии домовых я давно научился договариваться с любыми зданиями. К тому же, мы с управлением были давно знакомы, а дома куда лучше понимают людей, чем люди — друг друга.

Магическая защита не исчезла окончательно, просто стала слабее. Но этого вполне хватило, чтобы я смог послать зов Лизе.

— Привет, любовь моя! Как твои приключения на Внешнем острове?

— Привет! — обрадовалась Лиза. — А мы с Егором Кузьмичом только что вернулись с рыбалки. Я сама поймала огромную треску!

— Умница, — улыбнулся я. — Рад, что ты весело проводишь время.

— А ещё я научилась доить коз, — похвасталась Лиза. — Оказывается, они добрые и совсем не бодаются, если сказать им правильные слова. Слушай, а почему ты так странно говоришь? Голос, как будто из бочки.

— Потому что я сижу в тюремной камере, — объяснил я. — Здесь магическая защита.

— А что ты там делаешь? — удивилась Лиза. — Тебя арестовали?

— Что-то вроде этого. Я помогаю Никите Михайловичу раскрыть одно магическое преступление.

— Значит, ты сейчас занят? — огорчилась Лиза. — А я хотела позвать тебя к нам. Здесь так весело! Савелий построил для нас с тобой небольшой домик на берегу, в нём можно устроить отличный отпуск.

— Обязательно, — пообещал я. — Но немного позже. Дня через три или четыре.

— Обещаешь? Тогда я буду тебя ждать. А то я уже хотела вернуться пораньше — соскучилась по тебе.

— Не стоит, — улыбнулся я. — Никита Михайлович так загрузил меня работой, что я даже ночью в управлении.

Мы ещё немного поболтали, и я твёрдо пообещал прибыть на Внешний остров, как только разберусь с делами.

Потом Лиза с Анютой и местным проводником отправились на Белую скалу, собирать птичьи яйца, а я послал зов Игнату.

— Ваше сиятельство, в лавке судачат, будто вы человека убили! — огорошил меня Игнат. — Неужели правда?

— Так надо, — твёрдо ответил я. — Мы с Никитой Михайловичем проводим секретную операцию, о которой никто не должен знать. А эти слухи — моё прикрытие. Понял?

— Нет, — честно ответил Игнат.

— В общем, со мной всё в порядке, но несколько дней я буду очень занят. Искать меня не нужно, и спасать тоже. Лучше вообще пока не выходите из дома. И самое главное, Игнат! Ничего не говори про эти слухи Елизавете Фёдоровне, иначе она начнёт беспокоиться. Я выполняю секретное государственное поручение, и точка!

— Вот теперь понял, — успокоился Игнат. — Значит, к обеду вас не ждать?

— И к ужину тоже. Считайте, что у вас с Прасковьей Ивановной небольшой отпуск.

Закончив, разговор с Игнатом, я прошёлся по камере. Тесновато здесь, почти как в моей каюте на «Вороне».

Выглянул в окно — за толстыми прутьями решётки покачивали ветками липы вдоль бульвара. Их широкие листья уже тронуло по краям осенней желтизной.

Кто же так умело меня подставил? И зачем?

Я чувствовал, что этого преступления есть какая-то цель, которую я пока не понимаю. Но если пойму, всё сразу встанет на свои места.

В коридоре послышались шаги, затем в дверь камеры постучали:

— Александр Васильевич, к вам целитель и менталист.

Глава 4

Заскрежетал ключ в замочной скважине. Дверь камеры с лязгом открылась, и я не сдержал радостную улыбку. Никита Михайлович поступил очень предусмотрительно. Он прислал ко мне не просто целителя и менталиста, а братьев Горчаковых.

— Знали бы вы, господа, как я рад видеть вас, — улыбнулся я. — Проходите, почувствуйте себя как дома.

Юрию обстановка камеры была не в новинку. Он часто бывал здесь по делам службы. А вот Иван оглянулся с тревожным любопытством.

— Саша, мы слышали, что случилось, — тихо сказал он. — Неужели ты и вправду убил князя Долгорукова?

— Именно это нам и предстоит выяснить, — усмехнулся я.

Помощник Зотова деликатно кашлянул.

— Не буду вам мешать, господа. Позовите меня, когда закончите.

Он вышел из камеры и при этом не потрудился запереть за собой дверь. Разумеется, это была не забывчивость. Таким образом Артём Сергеевич намекал мне, что не считает меня арестантом.

— Саша, мы готовы тебе помочь, — негромко сказал Иван, отходя от двери. — Ты только скажи, что нужно сделать. Господин Зотов думает, что тебя могли опоить. Если нужно, я готов это подтвердить. Найду в твоём организме любое зелье.

— А я напишу в заключении, что вы подверглись ментальному воздействию, — добавил Юрий.

— Благодарю вас за то, что ради меня вы готовы рискнуть своей свободой, господа, — улыбнулся я. — Но ничего подобного делать не нужно. Я хочу узнать правду.

— Ты уверен, Саша? — с тревогой спросил Иван.

— Имейте в виду, Александр Васильевич, — добавил Юрий. — По имперским законам нельзя наказывать человека, который совершил преступление под ментальным воздействием. Он сам считается пострадавшим. Но если выяснится, что ментального воздействия не было...

Юрий многозначительно замолчал.

Они оба были готовы помочь. Это меня тронуло, но могло помешать делу.

— Меня не нужно спасать при помощи фальшивых заключений, господа, — мягко сказал я. — Если вы хотите помочь, давайте выясним, что именно произошло в доме князя Долгорукова. Начинайте.

— Хорошо, — кивнул Иван.

Он открыл небольшой чемоданчик, который принёс с собой.

— Дай мне левую руку.

Я протянул ему руку. Иван уколол мне палец острой иглой и выдавил в пробирку несколько капель крови. Затем добавил реагент изумрудно-зелёного цвета и отставил пробирку в сторону.

— Это не займёт много времени, — обнадёжил он меня. — А сейчас расскажи, как ты себя чувствуешь? Тошнота, головокружение, слабость были?

Я молча покачал головой.

— Подавленное настроение?

— Утром я чувствовал себя отвратительно, — кивнул я. — Но сейчас уже всё прошло.

— Скоро всё станет ясно, — кивнул Иван и принялся колдовать над пробиркой.

А мной занялся Юрий.

— Сейчас я погружу вас в транс, Александр Васильевич, — предупредил он. — Не нужно сопротивляться. Этим вы можете всё испортить. И лучше снимите ваш перстень.

Я снял перстень и положил его на стол.

— Сядьте и закройте глаза, — попросил Юрий. — Постарайтесь расслабиться и ни о чём не думать. Слушайте только мой голос.

В Императорском лицее нас обучали основам ментальной магии, и мы с удовольствием пробовали её друг на друге.

Ничего нового для меня Юрий Горчаков не делал. Он монотонно произносил знакомые формулы. Я без труда мог бы противостоять такому воздействию, но сейчас мне было нужно совсем не это. Поэтому я расслабился и позволил голосу менталиста заворочить меня и унести далеко в воспоминания.

Впрочем, ничего определённого я не вспомнил. Опять вернулась тошнота и ощущение чего-то липкого и омерзительного. Я увидел дрожащие огоньки свечей и блеск бронзовых статуэток на каминной полке, но больше никаких деталей.

Когда мерзкий комок подкатил к горлу, я усилием воли стряхнул с себя сонливость и вопросительно посмотрел на Юрия.

— Ваша память заблокирована, — озабоченно сказал он. — Возможно, это последствия заклатья. А может быть, вы сами не хотите вспоминать, что с вами произошло.

— Но заклатье всё-таки было? — уточнил я.

— Было, и очень сильное, — кивнул Юрий. — Кто-то не на шутку постарался, чтобы обработать вас. И это случилось не за один раз. Я совершенно уверен, что с вами провели не меньше десятка сеансов.

— Ерунда какая-то, — удивился я. — Ни у кого не было возможности это сделать. Юрий Николаевич, я знаю, что ментальная магия оставляет чёткие и неповторимые следы. По ним можно определить менталиста?

— Только не в этом случае, — ответил Юрий. — Отпечатки выглядят очень размытыми.

— То есть менталист позаботился о том, чтобы уничтожить следы? — поинтересовался я.

— Нет, здесь что-то другое, — ответил Юрий.

— Во всяком случае, факт ментального воздействия мы установили, — кивнул я.

— Да. И я готов подтвердить это в своём заключении.

— Прямо гора с плеч, — усмехнулся я и посмотрел на Ивана. — Ну, а ты чем меня порадуешь?

— Я нашёл в твоём организме следы очень слабого магического зелья, — ответил Иван. — Само по себе оно безвредно. Но может усиливать ментальное воздействие.

— Что за зелье? — нахмурился я.

— Ничего особенного. Настойка серой полыни. В небольших дозах усиливает эмоциональное восприятие. Имеет горьковатый привкус, но его несложно замаскировать.

— Как именно?

— Например, настойку можно добавить в кофе. Достаточно нескольких капель.

— А как долго длится эффект?

— Сутки, не меньше. Всё зависит от конкретного человека.

— Так я и думал, — кивнул я. — Теперь нужно выяснить, кто умудрился проделать со мной всё это. Кто подмешал мне в кофе магическую настойку, а потом воздействовал на меня ментальной магией, да ещё и не один раз?

— Не меньше десяти раз, — напомнил Юрий.

— Вот именно, — кивнул я.

— Саша, мы можем тебе ещё чем-нибудь помочь? — спросил Иван.

— Пожалуй, нет, — задумался я. — Хотя... Юрий Николаевич, вы сказали, что ментальное воздействие оставило размытые следы и по ним невозможно определить виновника. А

что, если это воздействие оказали сразу несколько человек, и следы наложились друг на друга? Такое могло быть?

— В это очень трудно поверить, — удивился Юрий. — Тут уже получается целый заговор. Эти люди должны были сговориться между собой.

— И всё-таки? — настаивал я.

— Да, с магической точки зрения такое вполне возможно. Скажу вам больше, это могли быть довольно слабые маги. Всё дело в том, что воздействие повторялось и с каждым разом усиливало само себя. К тому же многое зависит от той мысли, которую вам пытались внушить. Даже десяток слабых магов не смог бы заставить вас убить человека, если только...

— Что? — спросил я.

— Если только вы сами не хотели его убить, — закончил свою мысль Юрий. — Александр Васильевич, всё это кажется мне слишком невероятным. Трудно поверить, что десяток человек воздействовал на ваш разум, а вы этого не заметили. Как такое могло случиться?

— Вот это мне и предстоит выяснить, — усмехнулся я. — А пока помогите мне ещё кое в чём, господа.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — сразу же согласился Иван.

— Ваня, скажи, что ты думаешь про князя Долгорукова? Только имей в виду: мне нужен честный ответ. Как ты воспринял известие о нашей с ним ссоре и о его смерти?

— Мне, в общем-то, было всё равно, — усмехнулся Иван. — Ты же знаешь, Саша, у меня полно своих забот в госпитале. Но могу сказать, что я всегда считал князя недалёким и чересчур заносчивым человеком. Когда я узнал о вашей ссоре, то подумал, что князь вступил на скользкую дорожку.

— И тебе никогда не приходила в голову мысль, что было бы неплохо нас помирить? — спросил я.

— С чего бы мне лезть в твои дела? — удивился Иван. — Ты и сам прекрасно разберёшься.

— Уже разобрался, — улыбнулся я.

Иван сполоснул пробирку в жестяной раковине и принялся собирать свой чемоданчик. А я посмотрел на Юрия.

— А что вы скажете, Юрий Николаевич? Вы ведь знали о нашей вражде с князем Долгоруковым?

— Я не очень понимаю смысл этих вопросов, — нахмурился Юрий.

— В интересах следствия я не могу сказать вам, какая мысль вертится у меня в голове, — признался я. — Но вы обещали мне помочь. Именно такая помощь мне от вас и нужна. Честный ответ.

— Что ж, хорошо, — согласился Юрий. — Я считал, что вы с князем Долгоруковым должны договориться. Не дело, когда влиятельные аристократы и могущественные маги враждуют между собой.

— Вы считаете, князь Долгоруков был могущественным магом? — поинтересовался я.

— Нет, это я к слову, — смутился Юрий. — Но я уверен, что вы могли бы разрешить ваши противоречия и найти общий язык. Мне очень жаль, что кто-то воспользовался вашей враждой и довёл дело до убийства.

— Замечательно, — улыбнулся я. — Юрий Николаевич, не могли бы вы припомнить, когда именно у вас появилась эта мысль?

— Не знаю, — пожал плечами менталист. — Не сегодня, это точно. Если честно, я даже собирался поговорить с вами об этом, но как-то не нашёл подходящего повода.

— Вы не нашли, а другие нашли, — кивнул я. — Что ж, господа, большое спасибо. Вы мне очень помогли.

— Может быть, тебе что-то принести? — спросил Иван.

— Спасибо, Ваня, ничего не нужно, — улыбнулся я. — Не думаю, что я задержусь здесь надолго.

Я не поделился своей идеей с Юрием Горчаковым не потому, что не доверял ему. Просто идея была чересчур безумной даже для меня.

Я не верил, что мои знакомые могли сговориться и сообща наложить на меня заклятие. Ну, что, если кто-то другой использовал их для этого? Наложил заклятие на каждого в отдельности и внушил им поговорить со мной и убедить меня помириться с князем Долгоруковым.

Отличная схема. А главное, режиссёр этого спектакля остаётся за кулисами, и его не видно.

И как его искать? Проверять весь круг общения каждого из моих знакомых. Но одну ошибку этот человек всё-таки совершил. Он подлил мне зелье из серой полыни. Иван Горчаков сказал, что зелье добавили в кофе.

Это и есть ниточка, которая приведёт меня к мерзавцу.

Я уже начал прикидывать, как побыстрее добраться до него, но мне помешали. В коридоре слышались крики и странный шум, будто кого-то тащили по полу. Открылась и захлопнулась дверь соседней камеры. А потом и в мою камеру деликатно постучали, и я услышал голос Артёма Сергеевича:

— Александр Васильевич, вы позволите войти?

— Войдите, — ответил я, не сумев сдержать улыбку.

Помощник Зотова вёл себя так, словно я был дорогим гостем в управлении Тайной службы.

Артём Сергеевич снова не стал запирасть за собой дверь камеры. Этим он как будто подчёркивал, что в пределах управления я совершенно свободен.

— Вам что-нибудь нужно, Александр Васильевич? — спросил он. — Если хотите, я распоржусь заказать обед.

— Не нужно, я подожду господина полковника, — улыбнулся я. — Но спасибо вам за такое душевное отношение к арестантам.

— Да какой же вы арестант? — смутился Артём Сергеевич. — Я уверен, что это обычное недоразумение, и очень скоро всё выяснится. Не могли же вы и в самом деле убить князя Долгорукова?

— Менталист считает, что я был под сильным магическим воздействием, — сказал я. — А в таком состоянии человек способен натворить всё, что угодно.

— Но это не вы виноваты, а маг, который наложил на вас заклятие! — живо возразил Артём Сергеевич. — Как бы там ни было, я не считаю вас арестантом, и вы всегда можете обратиться ко мне за помощью.

— Благодарю вас, — кивнул я.

Помощник Зотова смущённо переступил с ноги на ногу.

— Никита Михайлович вернётся не скоро, — сказал он. — А у нас очень любопытный случай. Мы поймали молодцов, которые разбойничали возле Смоленского кладбища. Один из них готов во всём признаться, зато второй упирается. Нам бы понять, кто из них врёт, а кто говорит правду.

— Так вы же взяли их с поличным, разве нет? — удивился я.

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул Артём Сергеевич. — В общем, у нас полная неразбериха. Поможете, господин Тайновидец?

— С удовольствием, — улыбнулся я. — Всё равно мне нужно чем-то занять время до возвращения господина полковника.

Артём Сергеевич проводил меня в свой кабинет. Он был как две капли воды похож на кабинет Зотова, только кресло за письменным столом было похуже и без магических свойств.

Зато в кабинете оказался Миша Кожемяко. Он немедленно обнял меня так сильно, что мои кости хрустнули.

— Саша, что за ерунду мне рассказывают? — спросил он. — Говорят, будто бы ты убил князя Долгорукова, а Его Величество приказал тебя арестовать.

— Это не ерунда, дружище, а чистая правда, — ответил я. — Правда, момент убийства я не помню, но все улики неоспоримо указывают на меня.

— Если тебе нужна помощь, имей в виду, я готов на всё, — сказал Миша.

Даже присутствие Артёма Сергеевича его не смутило. Впрочем, помощник и не стал спорить со своим подчинённым, наоборот, согласно кивнул.

Что ж, если я когда-нибудь захочу устроить заговор, я знаю, где искать верных соратников.

— Помощь мне пока не нужна, — успокоил я Мишу. — Давай лучше разберёмся с твоими разбойниками. Как ты умудрился их поймать?

— Да они сами поймались, — сердито ответил Миша. — Мы только успели появиться на кладбище, а этот бородач бросился к нам и давай во всём признаваться. И купцов он грабил, и деньги у них отбирал. Я сперва решил, что это сумасшедший, и хотел его прогнать, но он показал нам притон, где они прятали награбленное. Там же оказался и его напарник. Ну, мы и привезли обоих.

— А как этот разбойник объяснил своё странное желание во всём признаться? — полюбопытствовал я.

— Он сказал, что ему явился призрак и напугал его до смерти. Разбойник решил, что этот призрак пришёл за ним, вот и побежал к нам.

— А его подельник тоже видел призрака?

— Ничего он не видел, — поморщился Миша. — Спал как младенец. Говорит, что никого они не грабили, а деньги и ценности нашли.

— Надо же, какие удачливые люди, — удивился я.

— Тот, который во всём признался, уж больно похож на сумасшедшего, — добавил Артём Сергеевич. — Мы, конечно, покажем его целителю, но было бы хорошо, чтобы и вы его допросили.

— Ведите их сюда, — решил я. — Сейчас разберёмся.

— Заводить по одному? — уточнил Артём Сергеевич.

— Ведите сразу двоих. Так будет быстрее.

На разбойников предусмотрительно надели магические кандалы, так что эти молодцы с трудом передвигали ноги. Один из них был похож на мелкого лавочника. Его взгляд испуганно бегал по кабинету, ни на чём не задерживаясь, как будто и здесь пытался отыскать злокозненного призрака.

Зато второй выглядел самым настоящим разбойником. Хоть картину с него пиши — высокий, широкоплечий детина, с угрюмым взглядом исподлобья и низким скошенным лбом.

— Ну, рассказывайте, — обратился я к тому из разбойников, который был похож на перепуганного лавочника. — Грабили купцов?

— Грабили, ваша милость, — затараторил разбойник. — И деньги забирали, и часы, и драгоценности. Награбленное таскали в комнатку над трактиром, там у нас тайник.

— Враньё, — прорычал второй разбойник. — Врёшь, Тимоха!

— А вы что скажете? — поинтересовался я.

— Никакие мы не разбойники, — тяжёлым басом прогудел детина. — Грузчики мы. А Тимоху, видать, ящиком придавило, вот он и заговаривается. Несёт окоlesiцу, а вы ему верите.

— Но ведь при обыске у вас нашли деньги и драгоценности?

— Не наше это. Подбросили, — здоровяк злобно звякнул кандалами.

— И никакого призрака вы не видели?

— Ну, видел, и что с того? Мало ли призраков по свету шляется. Что ж, теперь из-за них чужую вину на себя брать? Может, это призрак купцов грабил, с ним и разбирайтесь.

— Что скажете, Александр Васильевич? — спросил меня помощник Зотова.

— Всё, как вы и думали, — ответил я. — Первый говорит правду, а второй врёт.

— Вот и замечательно, — обрадовался Артём Сергеевич. — Уводите их.

— Подождите, — остановил я его. — Мне нужна от них кое-какая информация.

— Я ничего говорить не буду, — буркнул детина. — И тебе, Тимоха, не советую. Наговорились уже.

— А если вам оформят добровольную явку с повинной? — спросил я. — Скажете, что вас замучила совесть, суд это учтёт. Артём Сергеевич, это можно устроить?

— Вполне, — кивнул помощник Зотова. — Глядишь, вместо каторги отправитесь на поселение.

Разбойники переглянулись.

— А что сказать-то надо? — хмуро поинтересовался здоровяк.

— Расскажите мне про призрака, — сказал я. — Как он выглядел? Что говорил?

— Страшен он был, ваша милость, — заверил меня первый разбойник. — Как налетел, как завыл, я думал, там и помру со страху. Тебе, Васюта, хорошо, ты вон какой здоровый и в нечистую силу не веришь. А из меня она мигом душу вытрясет.

— А зачем ты на разбой пошёл, ежели такой хлипкий? — презрительно заметил здоровяк.

— Расскажите подробнее, что именно говорил призрак, — напомнил я.

— Да он сам был перепуган хуже, чем Тимоха, — сказал здоровяк. — Всё просил пощадить его. Видно, пришибли его где-нибудь в тёмной подворотне, вот и повредился умом.

— А как он выглядел?

— Молодой такой аристократик. Вид хоть и перепуганный, но заносчивый. Сразу видно, не из простых. У таких всегда деньжата водятся. Милое дело с таким в узком переулке повстречаться.

— Понятно, — кивнул я. — Артём Сергеевич, сегодня не находили похожий по описанию труп?

— Сегодня вообще смертоубийств не было, если не считать князя Долгорукова, — ответил помощник. — Но ведь этого дворянина могли и не в Столице убить, а где-нибудь за городом. Или того проще — сбросили тело в Неву, ищи его там.

— Да, это вполне вероятно, — согласился я. — Ладно, уводите своих разбойников.

— Вы нам явку с повинной обещали, — напомнил здоровяк.

— Будет тебе явка с повинной, — помощник Зотова подтолкнул его к выходу. — Иди уже.

Мы с Мишей остались в кабинете вдвоём.

— Ты, кажется, хотел мне помочь? — спросил я.

— Почему хотел? — удивился Миша. — Я и сейчас хочу.

— Отлично. Тогда ответь мне на один вопрос. Вчера в разговоре ты упомянул князя Долгорукова. Почему ты это сделал?

— Да я уже и не помню, — пожал плечами Миша. — Как-то к слову пришлось, что ли... А, вспомнил. Там в кофейне на столе газета лежала. А в ней большая статья о том, что негоже устраивать гонения на влиятельный род.

— Помнится, ты сказал, что нам с князем хорошо бы помириться.

— А что вам делить? — искренне удивился Миша. — Всегда можно встретиться, поговорить по-хорошему и договориться.

— Встретиться? — задумчиво хмыкнул я. — Вот мы и встретились. Миша, отгадай загадку. Что общего между тобой и Юрием Горчаковым?

— Ну... — задумался Миша. — Мы оба работаем в Тайной службе.

— А ещё?

— А больше ничего. Он княжич, знатного рода, в столице родился. А я из Рязани, потомок обедневших дворян.

— А ты подумай, — настаивал я.

— Да отстань, Саша. Нет между нами ничего общего. Ну, кофе мы утром вместе пьём перед службой.

— Пьёте кофе? — заинтересовался я. — В той кофейне, что напротив управления?

— А где же ещё?

— Замечательно. Вот тебе, дружище, ещё одна загадка. Что общего между тобой и Прасковьей Ивановной?

— Ну, Прасковья Ивановна у тебя готовит отменно. А я поесть люблю. Вот тебе и общее.

— Хорошая попытка, — улыбнулся я. — А ещё? Как связаны ты, Прасковья Ивановна и кофейня напротив Управления Тайной службы?

— Как? — изумился Миша. — А, я понял! Прасковья Ивановна туда выпечку привозит. Верно?

— Верно, — кивнул я. — А Прасковью Ивановну привозит Игнат. И пока он её поджидает, владелец кофейни угощает его кофе. Вот что, Миша, нужно сделать одно очень важное дело. Незаметно проследи за владельцем этой кофейни. И начать лучше всего прямо сейчас. С Никитой Михайловичем я договорюсь, не беспокойся. Только постарайся, чтобы владелец кофейни не заметил слежку. Мне нужно знать, что он делает, с кем встречается. Если увидишь, что он где-то встретился с князем Долгоруковым, сразу же мне об этом сообщи.

— Сделаю, — не задавая лишних вопросов, кивнул Миша.

— И ещё... Покажись-ка ты Ване и Юрию Горчаковым. Скажи, чтобы проверили тебя так же, как меня.

Глава 5

Спокойно отдохнуть и подумать мне снова не дали. На этот раз в коридоре слышались не крики, а странное звяканье, шорох и шаги, которые явно направлялись к моей камере. На секунду я пожалел, что не попросил у Артёма Сергеевича ключ, чтобы запира́ть камеру изнутри. В конце концов, я ведь под арестом, а значит, могу рассчитывать на некоторое уединение.

Впрочем, гость оказался из числа тех, кого приятно видеть в любое время. В дверь камеры постучали, и голос эксперта Щедрина спросил:

— Александр Васильевич, к вам можно?

— Заходите, Леонид Францевич, — отозвался я.

Щедрин широко распахнул дверь и скомандовал кому-то невидимому в глубине коридора:

— Заносите.

Не успел я удивиться, как на пороге камеры появился официант с белой крахмальной скатертью в руках. Этой скатертью он умело накрыл тюремный стол и мгновенно исчез. А его место занял второй официант, который держал в руках огромное блюдо, накрытое серебряной крышкой.

Официанты проворно сменяли друг друга, и вскоре стол оказался полностью заставлен закусками и горячим, между которыми приютилась парочка запотевших бутылок игристого в серебряных ведёрках со льдом.

— Я подумал, что со всеми этими хлопотами вы ещё не успели пообедать, — объяснил это удивительное явление Щедрин. — И решил, что вы не откажетесь от моей компании.

— Не откажусь, Леонид Францевич, — улыбнулся я. — Присаживайтесь, пожалуйста, на койку. Здесь удобнее, чем на табурете.

— Благодарю вас, — светским тоном ответил Леонид Францевич.

Он с удобствами устроился на койке и выудил из ведёрка со льдом запотевшую бутылку.

— Официантов я отпустил, их слишком смущает здешняя обстановка. Пообедаем по-простому.

Он хлопнул пробкой и разлил игристое по хрустальным бокалам.

— Прошу вас, Александр Васильевич.

Утром мне так и не удалось спокойно позавтракать. Сначала этому мешало отвратительное настроение, потом обер-прокурор Рябушинский. А после события завертели́сь с такой бешеной скоростью, что я совсем забыл про еду. Подкрепившись глотком вина, я жадно набросился на неожиданное угощение.

— Ешьте, ешьте, Александр Васильевич, — подбадривал меня Щедрин. — Поверьте моему опыту, на сытый желудок все проблемы решаются гораздо быстрее. Вы уже успели разобрат́ься, что с вами произошло?

— У меня есть кое-какие догадки, — кивнул я, не отрываясь от еды. — Скажите, Леонид Францевич, вы часто бываете в кофейне напротив управления Тайной службы?

— Заглядываю иногда, — кивнул Леонид Францевич. — А в чём дело?

— Не откажитесь ответить на один вопрос. Как вы отнеслись к моей ссоре с князем Долгоруковым?

— Помнится, я подумал, что князь — круглый дурак, раз он связался с вами, — спокойно ответил Леонид Францевич.

— Но на прошлой неделе вы советовали мне поговорить с ним начистоту, — напомнил я.

— Было такое, — согласился Щедрин. — Видите ли, судьба окончательно загнала князя в угол, а загнанный зверь опасен вдвойне. Вот я и подумал, что эти проблемы вам не нужны. И, как видите, не ошибся. А почему вы об этом спрашиваете?

— Дело в том, что я обнаружил удивительное совпадение, — признался я. — Многие мои знакомые из числа тех, кто уговаривал меня помириться с князем, пили кофе именно в этой кофейне. А пару часов назад целитель сказал, что мне в кофе подлили настойку серой полыни, которая усиливает ментальное воздействие. И само ментальное воздействие тоже было, причём неоднократное.

— Так-так, — нахмурился Щедрин. — И что вы обо всём этом думаете?

— Я думаю, что владелец кофейни наложил заклятие на всех посетителей, которые так или иначе связаны со мной. А потом уже они воздействовали на меня. Именно это магическое воздействие и заставило меня отправиться ночью в дом князя Долгорукова. Согласен, версия совершенно безумная. Но другой у меня нет.

— Вы уже распорядились арестовать мерзавца? — деловито поинтересовался Щедрин.

— Я под арестом, Леонид Францевич, — с улыбкой напомнил я. — Но я попросил Мишу Кожемяко последить за владельцем кофейни. Вряд ли он сам придумал эту грандиозную махиацию, но его вполне могли надоумить.

— И кого же вы подозреваете? — поинтересовался Щедрин.

— Молодого княжича Долгорукова. Он мне кажется самым подходящим кандидатом.

— Согласен, — одобрительно кивнул эксперт. — В таком случае за княжичем тоже хорошо бы проследить. Я поговорю об этом с Никитой Михайловичем. А вы кушайте, Александр Васильевич.

— Благодарю вас, — кивнул я. — Оказавшись в трудной ситуации, начинаешь особенно ценить хорошее отношение.

— А ведь у меня тоже есть новости, — вспомнил эксперт. — Помните, в доме князя я сказал вам, что в гостиной проводили какой-то магический ритуал?

— Вам удалось узнать, что это была за магия?

— Не спешите, Александр Васильевич, — улыбнулся Щедрин, наливая нам ещё по бокалу игристого. — Дайте мне насладиться моментом. Так вот, мысль про этот ритуал засела у меня в мозгу, словно заноза, и я никак не мог от неё избавиться. Мне казалось, что я уже сталкивался с чем-то подобным. Нужно только вспомнить, где и когда это было.

— И вы вспомнили?

— Не сразу. Я пролистал все свои магические книги, но ничего не нашёл. Тогда взялся за старые записи. Я уже много лет собираюсь издать книгу о войне с османами, да всё руки не доходят. Мои дневники и напомнили мне нужный случай. Это произошло на Балканах. Мы перехватили османов на марше и окружили их в ущелье. После недолгой перестрелки османы поняли, что им не вырваться из западни, и сдались в плен. Их командир оказался убит, и пленники попросили разрешения похоронить тело по своему обычаю. Стояла жара, и наш полковник разрешил похороны, не посоветовавшись со мной. А когда я решил допросить покойного командира османов, оказалось, что сделать это невозможно. Османы применили особый ритуал, навсегда отделяющий душу от тела. В этом ритуале они использовали точно такой же порошок, раствором которого были пропитаны свечи в гостиной князя Долгорукова.

— Ничего себе, — изумился я. — Получается, убийство было тщательно подготовлено? Кто-то очень не хотел, чтобы вы допросили князя после его смерти.

— Возможно, — согласился Леонид Францевич. — Но могут быть и другие причины. Впрочем, я уверен, что рано или поздно вы во всём разберётесь. А сейчас предлагаю ещё по рюмочке.

Он достал из кармана небольшую квадратную бутылку из толстого стекла.

— Знаете, что это? Знаменитая настойка на сосновых иглах, которую делает предок рода Сосновских. Этот замечательный призрак великодушно поделился со мной своими запасами.

Леонид Францевич наполнил рюмки.

— Давайте выпьем за ваш успех, Александр Васильевич.

Но тут в коридоре управления Тайной службы послышались громкие голоса, и в камеру без стука вошёл полковник Зотов. При виде уставленного закусками стола он только покачал головой.

— Пируете? Приятно видеть, господин эксперт, что вы оправдываете мои ожидания. Вы, наверное, на войне и в бой не ходили, не пообедав перед этим хорошенько.

— На войне мне частенько доводилось голодать, — спокойно ответил Леонид Францевич. — Снабжение, знаете ли, было никудышное. Именно тогда я и понял, как мало на свете вещей, которые важнее своевременной и сытной еды. Пообедайте с нами, Никита Михайлович.

— А ничего другого теперь и не остаётся, — мрачно ответил Зотов, усаживаясь за стол. — Только что император выслушал мой доклад и устроил мне отменную выволочку, господа. И это напрямую касается вас, Александр Васильевич.

— Что именно сказал вам император? — поинтересовался я.

— Новости невесёлые, — покачал головой Никита Михайлович. — Государь дал мне три дня, чтобы досконально разобраться с убийством князя Долгорукова. Что же касается вас, господин Тайновидец, все эти три дня вы проведёте в камере управления. Если за этот срок я не найду убийцу, вас официально признают подозреваемым и переведут в Петропавловскую крепость. Слишком уж большая шумиха поднялась вокруг этого убийства. Племянник князя постарался на славу — раструбил обо всём газетчикам. Столичные аристократы требуют примерно наказать вас. По слухам, они уже собирают подписи под петицией, которую собираются подать Его Величеству. Вот такие невесёлые новости.

С этими словами Никита Михайлович принялся за еду.

Честно говоря, ничего другого я и не ожидал. Император не мог позволить себе прилюдно выгораживать преступника, даже если этот преступник — я. Внутренняя политика требует, чтобы государь беспристрастно относился ко всем своим подданным.

— У меня тоже есть новости, Никита Михайлович, — сказал я. — Братья Горчаковы выяснили, что я подвергся сильному ментальному воздействию. Зелье тоже применили, но слабенькое — оно всего лишь усилило действие заклęcia.

— Неплохо, — кивнул Никита Михайлович. — Если вы были под действием заклęcia, возможно, нам и удастся оправдать вас в суде. Но вашу репутацию мы, боюсь, не спасём. А ещё нужно найти того, кто толкнул вас на это убийство. Юрий Николаевич сумел определить ментальный след этого негодяя?

— След оказался сильно размыт, и это натолкнуло меня на новую версию. Я предположил, что это было коллективное воздействие.

— Преступная шайка магов-менталистов? — изумился Зотов. — Не слишком ли это сложно?

— Всё было совсем не так, — поморщился я. — Слушайте.

При полном одобрении Леонида Францевича я поделился с Зотовым своей версией. Никита Михайлович удивлённо покрутил головой.

— Звучит как бред сумасшедшего. Сколько лет работаю в Тайной службе — никогда не слышал о такой ментальной магии. Но вы правы, всё это выглядит очень подозрительно. Поступим так, господа. Арестуем этого владельца кофейни и хорошенько его допросим.

— Мне кажется, вы слишком торопитесь, Никита Михайлович, — заметил я. — Лучше проследить за ним. Он может привести нас к своим сообщникам.

— Или скроется от слежки, — мрачно заметил Зотов. — С таким ловкачом нужно действовать наверняка. А сообщников он с удовольствием выдаст на допросе, уж это я вам обещаю. Говорите, господин Кожемяко следит за кофейней? Отлично. Сейчас я пошлю ему зов, пусть приведёт этого фокусника сюда.

Но выполнить своё намерение Зотов не успел, потому что Миша Кожемяко сам появился на пороге камеры.

— Господин полковник, вы уже здесь? — изумился он, увидев Зотова. — Разрешите доложить. Разбойники, которые грабили купцов на Смоленском кладбище, пойманы и допрошены. Они уже во всём признались.

— Разбойники? — непонимающе нахмурился Зотов. — Да, припоминаю. Но сейчас нам не до них, пусть пока посидят в камере. Отправим их в крепость, как только у нас найдётся свободная минута. Докладывайте, что там с владельцем кофейни.

— Кофейня оказалась закрыта, господин полковник. Тогда я выяснил у дворника, где проживает её владелец, и отправился к нему на квартиру. Хозяйка сказала, что её постоялец сегодня утром съехал со всеми вещами. Куда уехал — не сказал. Никаких писем или бумаг тоже не оставил.

Услышав это, Зотов скривился, как от зубной боли.

— Огненные демоны! Кажется, вы опять оказались правы, господин Тайновидец. Но на этот раз мы опоздали.

Никита Михайлович грозно уставился на Мишу.

— Владельца кофейни отыскать во что бы то ни стало. Перекрыть все выезды из Столицы, перевернуть все притоны. Но чтобы не позже завтрашнего дня этот негодяй сидел в моём кабинете. Вам всё понятно?

— Так точно, господин полковник. Разрешите выполнять?

— Действуйте, — кивнул Зотов.

Миша скрылся за дверью, а Никита Михайлович посмотрел на меня.

— Хороший был план, господин Тайновидец, но, к сожалению, он не сработал. Придётся придумать новый.

— Придумаете, — благодушно улыбнулся Леонид Францевич и снова наполнил бокалы. — Главное, теперь у нас есть от чего отталкиваться.

— Вот вам мои соображения, — нахмурился Никита Михайлович. — Нужно вызвать на допрос всех менталистов Столицы. Мне не даёт покоя это заклятие, которое можно накладывать через подставных лиц. Уверен, что немногие ментальные маги способны на такое. Нужно выяснить всё об этой магии. Что скажете, Александр Васильевич?

— Отличная идея, — кивнул я. — Но у меня есть ещё одно предложение. Отпустите меня в Незримую библиотеку. Поговорю с Библиусом, полистаю фолианты. Уверен, что в магических книгах найдётся упоминание об этой магии.

— В другое время я и сам предложил бы это, — поморщился Зотов. — Но сейчас вы находитесь под арестом. Я вас на улицу не имею права выпустить, не то что в другое магиче-

ское пространство. Нет уж, начнём с менталистов. Послушаем, что они скажут, и решим, как действовать дальше.

— А мне кажется, Александр Васильевич прав, — заметил Щедрин. — Даже вы с вашим огромным опытом ничего не слышали о подобной ментальной магии. С чего вы взяли, что столичные менталисты о ней знают? И сколько времени вам потребуется, чтобы разыскать и допросить каждого из них? А времени у нас мало. Вы же сами сказали, что император дал на расследование только три дня. Пусть Александр Васильевич прогуляется в Незримую библиотеку и угостит господина Библиуса. Уверен, это принесёт больше пользы. У нас для такого случая и торт есть, не зря же я его заказал. А вы можете пока заняться менталистами. Уверен, Александр Васильевич не сбежит от вас.

— Я не сбегу, Никита Михайлович, — с улыбкой пообещал я. — Поверьте, это не в моих интересах.

Зотов раздражённо прикусил губу.

— А что, если с вами что-то случится в этих магических путешествиях? Как я в таком случае буду объясняться с императором?

— А вы свалите всё на меня, — предложил я. — Вы ведь знаете, в каких отношениях я нахожусь с магией? Я могу уйти в Незримую библиотеку прямо отсюда, не дожидаясь вашего разрешения.

— Знаю, — с досадой хмыкнул Зотов. — И настоятельно не рекомендую вам это делать. Вот как мы поступим. Отправляйтесь в Незримую библиотеку, господин Тайновидец. Но одного я вас не отпущу. Я пойду вместе с вами.

— Как скажете, господин полковник, — улыбнулся я.

— Прекрасно, — обрадовался Леонид Францевич. — В таком случае, господа, предлагаю ещё по рюмочке перед дальней дорогой.

Глава 6

— Честно говоря, Александр Васильевич, мне давно хотелось посмотреть, как вы раскрываете преступления, не имея никакого опыта сыскной работы, — заявил Зотов. — Уж больно ловко у вас это получается. Исчезаете куда-то, потом появляетесь. Раз — и у вас уже есть ответ на самый запутанный вопрос. Как вы это делаете?

— Просто я доверяю магии, — улыбнулся я. — А магия иногда даёт мне подсказки.

— Вот и поглядим, как это у вас выходит. Подождите минутку, я только отдам необходимые распоряжения.

Никита Михайлович вызвал своего помощника прямо в камеру.

— Я отлучусь ненадолго, — сказал он. — Все текущие дела остаются на тебе. Если будут спрашивать — скажи, что я занят.

— А если император захочет с вами поговорить? — уточнил помощник.

— Его величеству скажи, что я спасаю господина Тайновца. Конечно, вы накормили его обедом, но этого явно недостаточно. Нужно ещё доказать его невиновность.

Помощник невозмутимо кивнул и исчез. А Никита Михайлович повернулся ко мне.

— Можем отправляться, — заявил он. — Я помню, что вы способны уходить в Незримую библиотеку через любую дверь. Вот эта вас устроит?

Он показал на дверь камеры.

— Мне кажется, вы слишком торопитесь, — заметил я. — Если уж мы решили полагаться на магические подсказки, так давайте будем всё делать по тем правилам, которые установила магия. Выйдем в город и поищем нужную дверь.

— Что, уже насиделись в камере? — язвительно спросил Никита Михайлович. — Захотелось подышать воздухом свободы?

— В общем, да, — улыбнулся я.

— Напоминаю, у нас с вами очень мало времени. Ну, будь по-вашему.

Мы вышли из управления Тайной службы, и я машинально взглянул на кофейню, которая располагалась напротив. Сколько раз в своей жизни я бывал в этом заведении? Сколько раз пользовался дверью этой кофейни для путешествия через магические пространства? И приветливый хозяин никогда не возражал. Вообще у нас с ним сложились очень хорошие отношения. С чего это вдруг ему взбрело в голову наложить на меня заклятие? Или я ошибаюсь? Зря наговариваю на ни в чём не повинного человека?

— Вы так и будете стоять на крыльце? — нетерпеливо спросил Зотов.

— Сами же хотели прогуляться.

— Да, — кивнул я, стряхивая с себя задумчивость. — Идёмте.

Мы неторопливо шли по бульвару, стараясь держаться в тени желтеющих лип. Никита Михайлович оказался прав — я провёл в камере всего несколько часов, а воздух Столицы уже казался мне особенно свежим и приятным. Насколько же хорошо дышится после того, как проведёшь в камере несколько лет?

И снова Никита Михайлович угадал мои мысли.

— У вас такое выражение лица, как будто вы половину жизни просидели в Петропавловской крепости, — рассмеялся он. — Где там ваша нужная дверь?

Я постарался прогнать тревогу и пожал плечами.

— Не знаю. Но рано или поздно она обязательно нам попадётся. Давайте не будем подгонять магию.

Мы дошли до конца бульвара и свернули на улицу Маленьких Сов. Через дорогу я увидел надпись над дверью: «Магазин игрушек». И вспомнил о том, что скоро у Мишиной дочурки день рождения.

— Давайте зайдём в лавку, — предложил я Никите Михайловичу. — Я хочу купить подарок.

— Да, сейчас самое подходящее время для покупок, — согласился Зотов. — Предлагаю вам заодно прогуляться по столичным рынкам. А Незримая библиотека подождёт, никуда не денется.

В его голосе ясно звучал сарказм, но я предпочёл не отвечать. Пересёк улицу и потянул на себя входную дверь. А Никите Михайловичу волей-неволей пришлось последовать за мной.

Эта лавка привела бы в восторг любого ребёнка. Каких только игрушек здесь не было! Они блестели, пестрели, жужжали, двигались и притягивали к себе взгляд.

Я выбрал большую куклу, которая наивно хлопала голубыми глазами и умела звать маму.

— Заверните её и отправьте на Каштановый бульвар, в бывший дом скульптора Поме-ранцева, — сказал я хозяину лавки, расплачиваясь. — Это подарок.

— Будет исполнено, ваша милость, — кивнул лавочник. — Не сомневайтесь, малышке эта кукла понравится. У меня самого двое сорванцов, так что я хорошо разбираюсь в игрушках.

— Теперь вы довольны? — нетерпеливо спросил Зотов. — Мы можем идти дальше?

— Можем, — согласился я и повернулся к двери.

На моём лице появилась невольная улыбка.

— Смотрите, Никита Михайлович.

Я показал на рисунок, который был нацарапан школьным мелом на обратной стороне двери. Рисунок изображал открытую книгу.

— Видите?

— Это мой младший нарисовал, — объяснил хозяин лавки. — У него сейчас такой возраст: рисует что угодно и где угодно. Уверен, что собирается стать художником.

— Может быть, и станет, — улыбнулся я. — Всего хорошего.

Я толкнул дверь, и мы оказались в Незримой библиотеке. Бесчисленные стеллажи с книгами терялись в огромном пространстве. С невидимого потолка лился мягкий серебристый свет, а над письменным столом Библиуса неторопливо вращался огромный золотой глобус.

Самого Библиуса я не увидел, зато заметил горы книг, которые лежали прямо на полу.

Здесь были не только книги в привычных кожаных переплётах. Я увидел свитки в прочных деревянных футлярах, связки кожаных ремешков с завязанными на них узлами, плоские ящички с разноцветными камнями, большие засушенные листья каких-то неведомых растений.

И всё это были книги.

Но почему они не лежат на стеллажах, а высятся грудями на полу?

— Давненько я здесь не был, — мечтательно сказал Зотов. — Помнится, раньше в библиотеке был образцовый порядок, а сейчас всё здорово изменилось.

— Вы не поверите, я был здесь совсем недавно, но тоже удивлён, — ответил я. — Хорошо бы выяснить, что здесь произошло и куда подевался Библиус.

Откуда-то из глубины библиотеки негромко слышалась чарующая восточная музыка.

— Библиус, ты здесь? — крикнул я.

— Салют, Александр! — донеслось издалека. — Я в круглом зале. Идите сюда.
— Идёмте, — кивнул я Зотову. — Поглядим, что там происходит.

С каждым шагом музыка становилась громче. А когда мы добрались до круглого зала, то увидели удивительное зрелище.

Возле фонтана, прямо на полу, сидели музыканты в ярких халатах. Они самозабвенно играли на самых странных инструментах, которые я когда-либо видел. Один дул в огромную дудку, которая размером превосходила самого музыканта. Другой играл на скрипке, которую смастерил из сушёной тыквы. Третий стучал палочками по тонким деревянным пластинам.

Рядом с музыкантами соблазнительно извивались под ритмичную музыку танцовщицы в полупрозрачных одеяниях. Мне редко приходилось видеть настолько красивые движения: в этих девушках словно текла чистая энергия стихий.

С другой стороны фонтана были расставлены низкие подиумы, а на них торжественно возлежали слушатели. Кроме Библиуса и Кирилла Алексеевича Стременного, здесь были шаман Акатош и какой-то незнакомый старик в пышном тюрбане и длинном чёрном халате.

Старик доброжелательно взглянул на нас, а Библиус махнул рукой:

— Проходите. Сейчас будем пировать.

— Что у вас тут происходит? — спросил я, стараясь говорить громче, чтобы перекрыть музыку.

— К нам прибыл дорогой гость из Лачанги, — объяснил Библиус. — Он привёз книги для нашей библиотеки. Теперь мы празднуем его приезд.

Тут Библиус заметил Зотова и приятно удивился.

— Давно ты здесь не бывал, — с улыбкой сказал он. — Тебе следовало бы почаще заглядывать в библиотеку.

— Возможно, — согласился Никита Михайлович. — Но мне вечно не хватает времени. Проклятые дела наваливаются без перерыва. Вот и сейчас мы пришли по делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.